

УДК 340.154

А.П. Грахоцкий

Правовое регулирование деятельности Римско-католической церкви в Северо-Западном крае Российской империи (середины 60-х – начала 70-х гг. XIX в.)

В статье рассматривается специфика правового регулирования деятельности Римско-католической церкви в Северо-Западном крае Российской империи в середине 1860-х – начале 1870-х гг. Автор анализирует циркуляры и распоряжения генерал-губернаторов М.Н. Муравьева, К.П. Кауфмана, Э.Т. Баранова, А.Л. Потапова, определяет степень их соответствия общеимперским законодательным нормам и устанавливает причины реализации репрессивных мероприятий по отношению к римско-католической конфессии в регионе.

Ключевые слова: Римско-католическая церковь; Северо-Западный край; восстание 1863–1864 гг.; М.Н. Муравьев; законодательство.

В ходе Январского восстания (1863–1864 гг.) Северо-Западный край Российской империи превратился в поле вооруженного столкновения набирающих силу проекций русского и польского национализма [11]. Восстание стало высшей точкой так называемого конфликта «идеальных отечеств»: как русские, так и польские националисты рассматривали белорусские земли в качестве неотъемлемой части своей этнической территории [12]. Этот конфликт продемонстрировал острейшее межконфессиональное и межнациональное противостояние, в центре которого находились две ведущие конфессии региона — Русская православная и Римско-католическая церкви. В то время как подавляющее большинство православного клира белорусско-литовских земель осудило повстанческое движение, основная масса римско-католического духовенства поддержала антиправительственное выступление [3: с. 58–70].

В условиях русско-польского противостояния на белорусских землях основным маркером формируемых национальных идентичностей представлялась конфессиональная принадлежность личности: православное вероисповедание подданных отождествлялось с русской национальностью, римско-католическая вера рассматривалась как российскими властями, так и идеологами польского национализма в качестве критерия принадлежности к польской нации [5: с. 227–230]. В это время в российских властных и общественных кругах заговорили о необходимости формирования «большой русской нации»,

объединяющей великорусов, белорусов и украинцев (малороссов). Такая нация должна была образовать «национальное ядро империи» и стать мощным противодействием польским претензиям на «исконно русские земли» [2: с. 129–150; 1: с. 31–41].

Призванный подавить восстание, виленский генерал-губернатор Михаил Николаевич Муравьев (1863–1865 гг.) разработал обширную программу действий в Северо-Западном крае. Задача «умиротворения» края исключительно насильственными методами не могла отвечать запросам эпохи преобразований. Перед Михаилом Муравьевым стояла цель осуществить кардинальные меры, способные раз и навсегда поставить точку в русско-польском споре о территориях. Программа М.Н. Муравьева содержала широкий спектр мероприятий в сфере социально-экономической, национально-культурной политики и административного управления [17–19]. Одно из центральных мест в этой программе заняла конфессиональная проблематика. Усиление позиций православия и уменьшение влияния Римско-католической церкви в регионе, по мнению генерал-губернатора, являлось основой деполонизации и русификации края [18: с. 198]. Осуществление намеченного М.Н. Муравьевым курса продолжалось с различной степенью интенсивности на протяжении всего срока губернаторства К.П. Кауфмана (1865–1867 гг.), Э.Т. Баранова (1867–1868 гг.), А.Л. Потапова (1868–1874 гг.).

Данная проблематика в различные периоды истории вызывала постоянный интерес и свои, иногда кардинально противоположные, оценки исследователей. Часть ученых называла преобразования М.Н. Муравьева началом возрождения Западной России [10; 14; 16]. Другие исследователи давали критические оценки конфессиональной политики «Муравьева-вешателя» [8; 26]. Неординарная личность М.Н. Муравьева и инициированная им правительственная политика по сей день вызывают жаркие споры специалистов [1; 4; 24]. Сегодня эта проблематика рассматривается и в русле истории российского права [6; 20]. В нашей же статье поставлена цель определить, насколько нормотворчество местной администрации сочеталось с основами имперского вероисповедного законодательства, и выявить специфику правового регулирования деятельности римско-католической конфессии в Северо-Западном крае.

В своем отчете Александру II М.Н. Муравьев писал: «<...> католическая вера того края (Северо-Западного. — А. Г.) не вера, а политическая ересь; римско-католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенство, а политических эмиссаров, проповедующих вражду к русскому правительству и ко всему, что только носит название русского и православного» [17: с. 503]. В российских властных и общественных кругах превалировала точка зрения о том, что именно католическое духовенство являлось главной движущей силой «польского мятежа» [14: с. 236].

Роль римско-католического духовенства в восстании 1863–1864 гг. действительно была значительной. В этой связи можно согласиться с выводами В. Яновской о том, что деятельность католического клира была особенно

активной на стадии подготовки к вооруженному выступлению. Именно духовенство должно было вдохновить верующих на борьбу за возрождение Речи Посполитой. Так, после разгона российскими властями массовых демонстраций в Варшаве в феврале 1862 г., во время которых погибло несколько человек, практически во всех костелах Беларуси прошли поминальные панихиды по убитым в Варшаве. В католических храмах регулярно звучали польские патриотические гимны [3: с. 58–59]. Не уменьшилась активность римско-католического духовенства и с началом вооруженного противостояния. За участие в восстании в Северо-Западном крае 8 ксендзов были наказаны смертью, 36 — сосланы на каторжные работы, 6 — на поселение в Сибирь, 19 — в менее отдаленные районы Сибири с лишением личных прав [3: с. 63]. К июлю 1864 г. 177 католических священников были сосланы в различные губернии России [15: с. 37]. Даже во второй половине 1860-х гг. неединичными были случаи, когда представители властей находили в костелах спрятанное повстанческое оружие, листовки и прокламации¹.

Однако власти считали недостаточным ограничиться лишь наказанием участников восстания. Перед российской администрацией в Северо-Западном крае встала задача разработки нормативной правовой базы, направленной на уменьшение влияния Римско-католической церкви в регионе и предотвращение каких-либо возможностей участия римско-католического духовенства в антиправительственной деятельности.

Так, под контроль местных властей был поставлен порядок назначения священнослужителей в приходы. Согласно циркуляру М.Н. Муравьева от 29 июня 1864 г. римско-католические епископы обязывались согласовывать кандидатуры клириков с губернаторами². Этот циркуляр конкретизировал общеимперскую норму (статью 37 Устава Римско-католической церкви), в соответствии с которой епископы должны были назначать приходских священников с согласия правительства [25: с. 11]. Затем вышли еще два циркуляра генерал-губернатора (от 19 и 23 января 1865 г.), в которых подтверждалось распоряжение от 29 июня 1864 г.³

Исходя из того, что основным источником пополнения католического клира были выпускники духовных семинарий, 19 мая 1864 г. М.Н. Муравьев подписал циркуляр, по которому прием учащихся в римско-католические семинарии края осуществлялся с согласия местного губернатора. Кроме того, посвящение выпускника семинарии в духовный сан могло произойти только с согласия того же губернатора⁴. Этот циркуляр в полной мере соответствовал статье 463

¹ Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НГАБ у г. Мінску). Фонд 2001. Воп. 1. Спр. 181. Арк. 1–16; НГАБ в г. Минске. Фонд 2001. Воп. 1. Спр. 183. Арк. 1–2; НГАБ в г. Минске. Фонд 136. Воп. 1. Спр. 30369.

² НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 59 адв.; НГАБ в г. Минске. Фонд. 1430. Воп. 1. Спр. 31841. Арк. 1.

³ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 61.

⁴ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1753. Арк. 12.

«Законов о состояниях», согласно которой «поступление (лиц римско-католического вероисповедания. — А. Г.) в духовное звание и в учебные заведения, в коих к тому приготавливаются», осуществлялось по согласованию епископа с местным губернатором [7: с. 56].

В январе 1866 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман принял решение о создании в Вильно специальной комиссии по делам римско-католического духовенства, которая позже получила наименование Ревизионной комиссии и действовала до июля 1868 г.⁵ Возглавил ее статский советник А.П. Стороженко. Основной целью деятельности комиссии было ограждение населения края от влияния римско-католического духовенства, разработка мер эффективного контроля за исполнением духовенством распоряжений правительства и надзора за каждым духовным лицом [28: с. 174–175].

Одним из направлений деятельности комиссии была разработка реформы местных римско-католических семинарий. По мнению членов комиссии, именно семинарии, самоизолированные от государственного влияния, прививали будущим священникам «фанатичную религиозность и вражду ко всему русскому» [28: с. 183–187]. Усилиями членов комиссии в учебный процесс в Виленской и Тельшевской семинариях было введено преподавание русского языка, литературы и истории, что признавалось важнейшей мерой борьбы с «полонизмом» среди семинаристов [9: с. 69–70].

Необходимой мерой для ограничения влияния римско-католического клира на население края местные власти считали установление контроля над порядком передвижения духовных лиц. В отчете императору М.Н. Муравьев писал о необходимости «...прекратить произвольное бродяжничество римско-католического духовенства, которое, пользуясь беспомощностью местного начальства, разъезжало свободно по целому краю, безнаказанно проповедовало мятеж, восставало открыто против правительства...» [17: с. 499]. Очевидно, что эти слова генерал-губернатора относились к тем священнослужителям, которые принадлежали к различным миссионерским орденам и в период восстания активно агитировали за поддержку повстанческого движения.

Правовая регламентация передвижений католического духовенства в Российской империи осуществлялась уставом Римско-католической церкви. Статья 90 устава предписывала клирикам получать вид на поездку в границах епархии от своего непосредственного начальства. Например, приходской священник должен был получить разрешение от декана, декан получал соответствующее разрешение от епископа. Для посещения других губерний римско-католическое духовенство должно было получить паспорт от губернатора через посредничество епископа. Разрешение на выезд епископа за пределы епархии выдавалось министром внутренних дел [25: ст. 97].

Однако 15 октября 1867 г. был издан циркуляр министра внутренних дел П.А. Валуева, на основе которого 19 января 1870 г. вышел циркуляр виленского

⁵ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1818.

генерал-губернатора А.Л. Потапова. Согласно этому документу в правовую регламентацию порядка перемещения римско-католического клира в крае вносился ряд дополнений. Для отлучки из своего прихода в границах уезда священник, как и ранее, обязывался получить от декана вид на временный отъезд. Однако после этого клирик еще должен был сообщить о своем намерении местному исправнику или полицмейстеру, который уведомлял губернатора. Для поездки в другой уезд или губернию священнослужитель должен был получить разрешение епископа и губернатора⁶.

Под контроль местных властей попали и проповеди священников. 12 декабря 1864 г. генерал-губернатор М.Н. Муравьев подписал циркуляр, согласно которому католическому духовенству предписывалось читать прихожанам проповеди только из двух опубликованных сборников: авторства Бялобжецкого и Филипецкого⁷. В имперском же законодательстве был прописан иной порядок. Статья 54 устава Римско-католической церкви разрешала прочтение прихожанам рукописных проповедей. В обязанности епархиальному начальству вменялось назначение цензоров для рукописных проповедей [25: с. 14]. Согласно статье 40 «Устава о цензуре» (в редакции 1857 г.) епископы должны были назначать цензоров рукописных проповедей из числа членов капитулов, консисторий или деканов. Их кандидатуры должны были согласовываться с губернатором. Цензоры обязывались высылать епископу экземпляр каждой одобренной ими проповеди⁸. Таким образом, циркуляр генерал-губернатора М.Н. Муравьева подменял собой нормы общеимперского законодательства.

В целях осуществления контроля за исполнением духовенством распоряжений гражданских властей во время богослужений и произношения проповедей в римско-католических храмах присутствовали полицейские чиновники⁹.

Под контролем российской администрации находилась и непосредственная деятельность римско-католического духовенства, связанная с отправлением религиозного культа. В отчете Александру II М.Н. Муравьев утверждал, что массовая демонстрация католической религиозности в государстве, где господствующим вероисповеданием является православие, должно расцениваться как проявление польско-латинской пропаганды, организованной католическим клиром в прозелитских целях совращения православного населения в католицизм [17: с. 503]. Как свидетельствуют источники, опасения генерал-губернатора были небезосновательными. До середины 60-х гг. XIX в. довольно частыми были случаи, когда православные верующие посещали костелы, слушали проповеди ксендзов, в праздничные дни вместе с католиками участвовали в торжественных процессиях¹⁰. Поэтому виленская администрация рассматривала государственное вмешательство в практику отправления

⁶ НГАБ в г. Гродна. Фонд 1624. Воп. 2. Спр. 75. Арк. 78 і адв.

⁷ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1731. Арк. 5.

⁸ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1731. Арк. 86 адв.

⁹ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1731. Арк. 61 і адв.

¹⁰ НГАБ в г. Минске. Фонд 1430. Воп. 1. Спр. 31875. Арк. 1.

католического культа как меру по прекращению наступления латинской пропаганды на православную паству.

24 января 1864 г. М.Н. Муравьев издал циркуляр, согласно которому проведение католических крестных ходов в городах разрешалось только внутри храмов. В сельской местности в случае, когда внутри храма провести крестный ход не представлялось возможным, он разрешался вокруг костела, но только в пределах храмовой ограды¹¹. Затем эти циркуляры неоднократно подтверждались генерал-губернаторами К.П. Кауфманом и Э.Т. Барановым (распоряжения от 24 января и 14 февраля 1866 г., 14 мая 1868 г.)¹². Как показывают архивные источники, местные власти пристально следили за исполнением этого циркуляра вплоть до 1905 г. На ксендзов, которые нарушали эти нормы, налагались административные взыскания¹³.

Под особый контроль российских властей был поставлен вопрос о чтении молитвы «За Императора и Августейший Дом» во время католического богослужения. Эта молитва была традиционным и неотъемлемым компонентом богослужебной практики Русской православной церкви. В римско-католических же костелах употреблялась молитва Pro Rege, которая читалась на польском или латинском языках в конце богослужения¹⁴. В 1867 г. Ревизионная комиссия постановила: молитва за императора и его семью должна произноситься на русском языке, никто не имел права выходить из костела во время ее исполнения, читать и слушать эту молитву нужно было стоя, все духовные лица обязывались стоять возле алтаря и не имели права исполнять никаких других обрядов¹⁵. Таким образом, через сакральную религиозную практику (молитву) российские власти стремились укрепить в католических верующих чувства преданности и лояльности престолу.

Вслед за переводом на русский язык молитвы «За царя» в российских властных кругах начали высказываться предложения о переводе всего дополнительного богослужения в римско-католических костелах Северо-Западного края с польского на русский язык. В использовании русского языка сторонники этой реформы видели средство освобождения Римско-католической церкви от идей полонизма и укрепление властного присутствия в римско-католическом богослужении [5: с. 616, 632–639]. В конце 1869 г. Александр II создал Специальный комитет по вопросу использования русского языка в делах религий иностранных исповеданий. И уже 25 декабря 1869 г. император утвердил предложение Комитета о разрешении использования русского языка

¹¹ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 20.

¹² НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 29, 44.

¹³ НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 8. Спр. 2845; НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 8. Спр. 2552; НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 8. Спр. 701; НГАБ в г. Минске. Фонд 1781. Воп. 1. Спр. 46. Арк. 12–15; НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 8. Спр. 2862; НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 8. Спр. 1658; НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 258.

¹⁴ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1818. Арк. 32.

¹⁵ НГАБ в г. Гродно. Фонд 1. Воп. 6. Спр. 1313. Арк. 1–11.

в дополнительных богослужениях «иностранных» вероисповеданий¹⁶. В соответствии с этим документом, использование русского языка в дополнительном богослужении определялось как право инославных конфессий, но не являлось их обязанностью. Таким образом Александр II отменил указ Николая I 1848 г., запрещающий использование русского языка в богослужениях неправославных конфессий [22: с. 571].

С 1870 г. основным пространством для реализации мероприятий по введению русского языка в дополнительное католическое богослужение была Минская губерния, где развернулась деятельность инициативного ксендза Ф. Сенчиковского, который стал центральной фигурой мероприятий по деполонизации Римско-католической церкви в регионе. Посещая тот или иной костел, ксендз Фердинанд предлагал местным священникам подписать письменное обязательство о том, что дополнительное богослужение в их храмах будет осуществляться по-русски. В начале 1870-х гг. Ф. Сенчиковскому удалось получить «подписки» в 38 костелах. Всего же в то время на Минщине насчитывалось 52 католических храма [27: с. 15].

После событий Январского восстания российская администрация обратила внимание и на количество римско-католических костелов и часовен в регионе. М.Н. Муравьев утверждал, что большинство католических культовых сооружений, которые появились в крае накануне восстания, были построены с нарушением законодательства, российские власти не давали разрешения на открытие новых храмов и часовен. В отчете императору генерал-губернатор писал: «<...> римско-католическое духовенство... шло беспрепятственно к предполагаемой цели ополячения края, строило, вопреки закону, самопроизвольно костелы и подготавливало мятеж...» [17: с. 489–490]. Таким образом, по словам М.Н. Муравьева, активное строительство римско-католических костелов в крае накануне восстания являлось целенаправленной деятельностью римско-католического клира по подготовке к восстанию: разветвленная сеть костелов (в том числе и в районах, где католики составляли незначительную часть населения) должна была засвидетельствовать принадлежность белорусско-литовских земель к католической Польше.

За время генерал-губернаторства М.Н. Муравьева в крае в административном порядке были закрыты 32 костела и 52 часовни [13: с. 17]. Под контроль виленской администрации был поставлен процесс строительства новых, а также ремонт существующих римско-католических храмов. 24 июня 1864 г. М.Н. Муравьев издал циркуляр, согласно которому строительство и ремонт католических костелов и часовен должен был осуществляться только после непосредственного разрешения генерал-губернатора¹⁷.

4 апреля 1866 г. мероприятия по закрытию католических культовых сооружений приобрели законодательную основу. Согласно указу Александра II,

¹⁶ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 2185. Арк. 1–2.

¹⁷ НГАБ в г. Минске. Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1671. Арк. 59 адв.

генерал-губернаторы получили право самостоятельно принимать решения о закрытии католических храмов. Однако интенсивное применение этого законодательного акта генерал-губернатором К.П. Кауфманом вынудило министра внутренних дел П.А. Валуева добиться от императора корректировки указа. В сентябре 1866 г. Александр II внес в документ уточнение: решение о закрытии храма или часовни должно было приниматься генерал-губернатором по согласованию с министром внутренних дел [23: с. 332].

В 1867 г. в российских властных кругах встал вопрос о ликвидации Минской римско-католической епархии. Генерал-губернатор Э.Т. Баранов предложил подчинить приходы Минской епархии виленскому епископу. Соответствующий указ Александр II подписал 27 июля 1869 г. [21: с. 760]. Основной причиной такого решения российские власти называли небольшое количество верующих в этой епархии. Например, в то время как в Виленской епархии насчитывалось 840 тыс. католиков, в Минской — их было только 150 тыс. Кроме того, именно католики Минской губернии наиболее активно, в сравнении с другими регионами Северо-Западного края, во второй половине 1860-х гг. переходили в православие [5: с. 603–612].

Таким образом, события Январского восстания стали катализатором существенных изменений в правовом положении Римско-католической церкви в Северо-Западном крае. Католическая вера рассматривалась российской администрацией в качестве идейной основы повстанческого движения за возобновление государственности Речи Посполитой. Широкий комплекс мер, направленный на уменьшение влияния Римско-католической церкви в регионе и усиление административного контроля за деятельностью католического клира, являлся составляющей стратегии деполонизации и русификации края, вследствие чего ряд общеимперских законодательных норм был заменен циркулярами генерал-губернаторов Северо-Западного края (распоряжения о порядке назначения священников в приходы, перемещении духовенства, чтении проповедей и др.). Эти подзаконные акты местных властей определяли специфику правового регулирования деятельности римско-католической конфессии на белорусских и литовских землях в отличие от других регионов империи, где продолжали действовать нормы имперского законодательства.

Литература

1. Бендин А.Ю. Михаил Муравьев-Виленский: усмиритель и реформатор Северо-Западного края Российской империи. М.: Книжный мир, 2017. 415 с.
2. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б.В. Ананьич, С.И. Барзилова М.: Мос. общ. науч. фонд, 2001. С. 129–150.
3. Грыгор'ева В.В. і інш. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
4. Долбиллов М.Д. Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // Ab Imperio. 2001. № 1–2. С. 227–269.

5. *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: НЛЮ, 2010. 1000 с.
6. *Дорская А.А.* Реализация вероисповедного законодательства в Северо-Западном крае Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 1 (25). С. 15–24.
7. *Законы о состояниях* // Свод законов Российской империи. Т. 9. Ч. 1. СПб.: тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1899. 215 с.
8. *Ігнатаўскі У.* Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX ст.: лекцыі, чытаныя студэнтам БДУ. Менск: Дзярж. выд. Беларусі, 1925. 254 с.
9. *Католическая церковь накануне революции 1917 года: сборник документов / сост. и отв. ред. М. Радван.* Люблин: Науч. общ-во Католич. ун-та в Люблине, 2003. 673 с.
10. *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Минск: «БелЭн», 2006. 480 с.
11. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М.: НЛЮ, 2006. 248 с.
12. *Миллер А.* Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. 1998. № 8. С. 79–82.
13. *Миловидов А.И.* Заслуги графа М.Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков: Тип. губ. правл., 1900. 92 с.
14. *Миловидов А.И.* Меры, принятые графом М.Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае // Виленский временник на 1900 г. Вильно: Губ. тип., 1899. С. 223–255.
15. *Миловидов А.И.* Распоряжения и переписка графа М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильно: Тип. «Рус. почин», 1910. 38 с.
16. *Морозов П.* Русское дело в Литовской Руси // Русский вестник. 1883. № 7–8. С. 5–73.
17. *Муравьев М.Н.* Всеподданнейший отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) // Русская старина. 1902. № 6. С. 487–510.
18. *Муравьев М.Н.* Записка лично представлена Государю Императору в Петербурге 5 апреля 1865 года // Русский архив. 1885. № 6. С. 197–199.
19. *Муравьев М.Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края (14 мая 1864 г.) // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–197.
20. *Пашенцев Д.А.* Разработка критериев результативности правовых реформ в России в 59–70-е гг. XIX в. // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 121–122.
21. *Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. 44. Ч. 1.* СПб.: Тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1873. 962 с.
22. *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт и др. М.: Новое изд-во, 2005. С. 570–588.
23. *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // Lietuvos katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 26. 2005. С. 307–346.
24. *Сталюнас Д.* Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М.Н. Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике / сост. и ред. П. Лавринец. Вып. VII. Вильнюс: Изд-во «Рус. творч. ресурсы Балтии», 2002. С. 250–271.
25. *Уставы духовных дел иностранных исповеданий* // Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб.: тип. 2 отд. Собств. ЕИВ канц., 1857. 156 с.

26. *Цьвікевіч А.* «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. Мінск: Навука і тэхніка, 1993. 352 с.
27. *Чихачев Д.Н.* Вопрос о распоряжении костела в прошлом и настоящем. СПб.: Тип. т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. 112 с.
28. *Wodzianowska I.* Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866–1868) // Kościoły a państwo na pograniczy polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań / red. M. Kietliński [i in.]. Białystok: PRYMAT, 2005. S. 173–198.

Literatura

1. *Bendin A.Yu.* Mixail Murav'ev-Vilenskij: usmiritel' i reformator Severo-Zapadnogo kraja Rossijskoj imperii. M.: Knizhny'j mir, 2017. 415 s.
2. *Gorizontov L.E.* «Bol'shaya russkaya naciya» v imperskoj i regional'noj strategii samodержaviya // Prostranstvo vlasti: istoricheskij opyt Rossii i vy'zovy' sovremennosti / pod red. B.V. Anan'ich, S.I. Barzilova M.: Mos. obshh. nauch. fond, 2001. S. 129–150.
3. *Gry'gor'eva V.V.* i insh. Kanfesii na Belarusi (kanecz XVIII–XX st.). Minsk: E'kaperspekty'va, 1998. 340 s.
4. *Dolbilov M.D.* Kul'turnaya idioma vrozozhdeniya Rossii kak faktor imperskoj politiki v Severo-Zapadnom krae v 1863–1865 gg. // Ab Imperio. 2001. № 1–2. S. 227–269.
5. *Dolbilov M.D.* Russkij kraj, chuzhaya vera: e'tnokontsional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II. M.: NLO, 2010. 1000 s.
6. *Dorskaya A.A.* Realizaciya veroispovednogo zakonodatel'stva v Severo-Zapadnom krae Rossijskoj imperii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 1 (25). S. 15–24.
7. Zakony' o sostoyaniyax // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 9. Ch. 1. SPb.: tip. 2 otd. Sobstv. EIV kanc., 1899. 215 s.
8. *Ignatoŭski U.* Gistory'ya Belarusi ŭ XIX i pachatku XX st.: lekcy'i, chy'tany'ya stude'ntam BDU. Minsk: Dzyarzh. vy'd. Belarusi, 1925. 254 s.
9. Katolicheskaya cerkov' nakanune revolyucii 1917 goda: sbornik dokumentov / sost. i otv. red. M. Radvan. Lyublin: Nauch. obshh-vo Katolich. un-ta v Lyubline, 2003. 673 s.
10. *Koyalovich M.O.* Chteniya po istorii Zapadnoj Rossii. Minsk: «BelE'n», 2006. 480 s.
11. *Miller A.* Imperiya Romanovy'x i nacionalizm. M.: NLO, 2006. 248 s.
12. *Miller A.* Konflikt «ideal'ny'x otechestv» // Rodina. 1998. № 8. S. 79–82.
13. *Milovidov A.I.* Zaslugi grafa M.N. Murav'eva dlya pravoslavnoj cerkvi v Severo-Zapadnom krae. Har'kov: Tip. gub. pravl., 1900. 92 s.
14. *Milovidov A.I.* Mery', prinyaty'e grafom M.N. Murav'evy'm k ograzhdeniyu pravoslavnogo naseleniya ot latino-pol'skoj propagandy' v Severo-Zapadnom krae // Vilenskij vremennik na 1900 g. Vil'no: Gub. tip., 1899. S. 223–255.
15. *Milovidov A.I.* Rasporyazheniya i perepiska grafa M.N. Murav'eva odnositel'no rimsko-katolicheskogo duxovenstva v Severo-Zapadnom krae. Vil'no: Tip. «Rus. pochiny», 1910. 38 s.
16. *Morozov P.* Russkoe delo v Litovskoj Rusi // Russkij vestnik. 1883. № 7–8. S. 5–73.
17. *Murav'ev M.N.* Vsepoddannejšij otchet grafa M.N. Murav'eva po upravleniyu Severo-Zapadny'm kraem (s 1 maya 1863 g. po 17 aprelya 1865 g.) // Russkaya starina. 1902. № 6. C. 487–510.
18. *Murav'ev M.N.* Zapiska lichno predstavlena Gosudaryu Imperatoru v Peterburge 5 aprelya 1865 goda // Russkij arxiv. 1885. № 6. S. 197–199.

19. *Murav'ev M.N.* Zapiska o nekotory'x voprosax po ustrojstvu Severo-Zapadnogo kraja (14 maya 1864 g.) // Russkij arxiv. 1885. № 6. S. 186–197.
20. *Pashencev D.A.* Razrabotka kriteriev rezul'tativnosti pravovy'x reform v Rossii v 59–70-e gg. XIX v. // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2014. № 3 (70). S. 121–122.
21. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. II. T. 44. Ch. 1. SPb.: Tip. 2 otd. Sobstv. EIV kanc., 1873. 962 s.
22. *Stalyunas D.* Mozhet li katolik by't' russkim? O vvedenii russkogo yazy'ka v katolicheskoe bogoslužhenie v 60-x godax XIX veka // Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty' poslednix let: antologiya / sost. P. Vert i dr. M.: Novoe izd-vo, 2005. S. 570–588.
23. *Stalyunas D.* Rol' imperskoj vlasti v processe massovogo obrashheniya katolikov v pravoslavie v 60-e gody' XIX stoletiya // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. T. 26. 2005. S. 307–346.
24. *Stalyunas D.* E'tnopoliticheskaya situaciya Severo-Zapadnogo kraja v ocenke M.N. Murav'eva (1863–1865) // Baltijskij arxiv. Russkaya kul'tura v Pribaltike / sost. i red. P. Lavrinecz. Vy'p. VII. Vil'nyus: Izd-vo «Rus. tvorch. resursy' Baltii», 2002. S. 250–271.
25. Ustavy' duxovny'x del inostranny'x ispovedanij // Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 11, ch. 1. SPb.: tip. 2 otd. Sobstv. EIV kanc., 1857. 156 s.
26. *Cz'vikevich A.* «Zapadno-russizm»: nary'sy' z gistory'i gramadskaj my's'li na Belarusi ŷ XIX i pachatku XX v. Minsk: Navuka i te'xnika, 1993. 352 s.
27. *Chixachev D.N.* Vopros o raspolyachenii kostela v proshlom i nastoyashhem. SPb.: Tip. t-va A.S. Suvorina «Novoe vremya», 1913. 112 s.
28. *Wodzianowska I.* Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866–1868) // Kościoły a państwo na pograniczy polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań / red. M. Kietliński [i in.]. Białystok: PRYMAT, 2005. S. 173–198.

A.P. Grakhotskiy

Legal Regulation of the Roman Catholic Church in the North-Western Region of the Russian Empire (the Middle of the 60s and Early 70s of the Nineteenth Century)

The article deals with the specifics of the legal regulation of the activities of the Roman Catholic Church in the North-Western Region of the Russian Empire in the mid-1860s and early 1870s. The author analyzes the circulars and orders of such Governor-Generals as M.N. Muravyov, K.P. Kaufman, E.T. Baranov, A.L. Potapov, determines the degree of their compliance with the general imperial legislation and establishes the reasons for the implementation of repressive measures taken by the authorities in relation to the Roman Catholic confession in the region.

Keywords: Roman Catholic Church; North-West Territory; uprising of 1863–1864; M.N. Muravyov; legislation.